

Разработчики проекта Пленума поставили себе серьезную и непростую задачу – взять из всего прецедентного материала предшествующих актов обязательного судебного толкования полезные на их взгляд позиции и «кодифицировать» их в едином новом акте, отменив все старые (зачастую, действующие фрагментарно «в части, не противоречащей» *lex posteriori*, что путало суды в отношении их действия во времени и коллизионного толкования).

Из нового в проекте можно выделить ряд пунктов, кодифицирующих относительно свежую практику коллегий Верховного Суда, а иногда наоборот, исправляющих ее.

1. Так, например, пункт 11 подразумевает отмену специальной подсудности споров о неиспользовании товарного знака банкротящегося лица Суду по интеллектуальным правам в пользу суда, рассматривающего банкротное дело.

Это попытка кодифицировать подход, изложенный судьями Букиной И.А., Зарубиной Е.Н. и Разумовым И.В., в определении от 21 марта 2018 года № 306-ЭС17-19720 по делу №А55-5711/2014.

К сожалению, данный подход является ошибочным, поскольку игнорирует тот факт, что помимо частных целей сохранения единства банкротной массы имеются вполне себе публичные цели законодателя по прекращению охраны неиспользуемых обозначений, препятствующих гражданскому обороту, а в случае удовлетворения иска о досрочном прекращении правовой охраны неиспользуемого товарного знака какие-либо законные интересы кредиторов отсутствуют в принципе.

По сути, в отсутствие законодательного установления предлагается ввести безальтернативное принуждение истца к выкупу оспариваемого товарного знака на торгах в длительной банкротной процедуре вместо специального иска о досрочном прекращении правовой охраны в порядке статьи 1486 ГК РФ, то есть, устанавливается прямой отказ в установленной законом судебной защите в то время, как императивная регламентация допустимых способов ее осуществления с учетом принципа разделения властей только путем соответствующего указания на то в федеральном законе.

Прекращение охраны неиспользуемого товарного знака является публичным интересом, поскольку соответствующее исключительное право является абсолютным и затрагивает интересы неопределенного круга лиц, а

реализация любым лицом соответствующей судебной процедуры не может быть обусловлена какими-либо условиями и формальностями (статьи 46 и 56 Конституции).

2. Не учтена в пункте 13 позиция Постановлений Конституционного Суда РФ от 13.12.16 №28-П и от 13.02.18 №8-П.

Данный пункт, регулируя действие законодательства во времени, следовало бы дополнить указанием на то, что в случае, когда подлежащие применению меры ответственности носят публично-правовой характер (изъятие и уничтожение товаров или материальных носителей, взыскание расчетной компенсации вместо убытков), а соответствующая ответственность за нарушение была смягчена или отменена согласно статье 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации применяется новый закон.

3. Нельзя не поддержать исправление в пункте 95 проекта Пленума ошибки СКЭС ВС в определении №308-ЭС14-1400 от 08.06.2016 по делу №А20-2391/2013, которым бездействие (хранение) было безосновательно приравнено к действию (воспроизведению экземпляров).

Данная позиция была основана на логической ошибке (хранение, как бездействие, не может привести к воспроизведению экземпляра), неправильном переводе термина «storage» из согласованного заявления к статье 1 (4) Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву от 20.12.1996, как противоречащего кодификации данной нормы в подпункте 1 пункта 2 статьи 1270 ГК РФ именно как «записи», приводящей к изготовлению одного и более экземпляра произведения или его части в любой материальной форме, а не «хранения», а также позиции законодателя, единообразно исключившего хранение из числа способов использования объектов авторских и смежных прав путем его отдельного указания (пункт 4 статьи 1252 ГК РФ, часть 2 статьи 146 УК РФ).

Фактически ВС возвращается к своей собственной позиции в пункте 25 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2006 г. №15, что, однако, следует дополнить внесением уточнений также в пункты 56 и 13 в целях устранения содержащихся в них противоречий.

4. Достаточно неоднозначно выглядит попытка разрешить в пунктах 24, 25 и 70 проекта разрешить известную проблему регулирования долей в исключительном праве.

Отрицая в пункте 24 соправообладание правом только на фирменное наименование следовало бы также учесть позицию СКЭС ВС в определении №305-КГ18-2488 от 03.07.2018 по делу №А40-210165/2016 о том, что российским законодательством также не предусмотрен порядок регистрации на имя нескольких лиц еще и товарного знака, за исключением регистрации коллективного товарного знака.

При этом пункт 24 содержит взаимоисключающие выводы, с одной стороны, об отсутствии права у соправообладателей на раздел исключительного права и выдел из него долей и распоряжении исключительным правом только совместно, а, с другой стороны, допускает, что соглашением может быть определено право каждого правообладателя самостоятельно распоряжаться своей долей в исключительном праве и предусмотрен порядок распоряжения такой долей. При этом пункт 25 констатирует неизбежность возникновения долей в исключительном праве в порядке наследования, а пункт 70 – долевое распределение компенсации за нарушение исключительного права.

В отношении долей следовало бы предусмотреть ситуацию, когда доли признаются иностранным правом страны создания произведения (статьи 1224, 1256, Глава 67 ГК РФ), а также смягчить последствия нарушения соправообладателями требования о наличии соглашения между ними относительно совместного распоряжения правом.

Так, по аналогии с корпоративным регулированием, следовало бы предписать порядок разрешения «дедлока» (т.н. «трагедии разобщенности», *tragedy of anticommons*), указав, что продажа либо отчуждение иным образом доли или части доли в исключительном праве на результат интеллектуальной деятельности допускается в случае, если соправообладатели отказались от ее приобретения либо не получено их согласие на отчуждение доли или части доли соправообладателю или третьему лицу.

При этом следует также указать последствия отчуждения исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или предоставление права на него по исключительной лицензии одним из соправообладателей в отсутствие соглашения, предусмотренного абзацем первым пункта 3 статьи 1229 ГК РФ. Представляется, что соответствующая сделка является оспоримой (пункт 1 статьи 173.1 ГК РФ).

В то же время из действующего законодательства следует, что в случае возмездного предоставления исключительного права на результат интеллектуальной деятельности одним из соправообладателей в отсутствие

соглашения, предусмотренного абзацем первым пункта 3 статьи 1229 ГК РФ, соответствующая сделка является действительной, если она совершена исходя из очевидной выгоды или пользы и действительных или вероятных намерений всех соправообладателей и с необходимой по обстоятельствам дела заботливостью и осмотрительностью (пункт статьи 980 ГК РФ).

При этом у распорядившегося правом соправообладателя возникают обязательства из неосновательного обогащения в размере частей полученного дохода, пропорционально долям остальных соправообладателей, не участвовавших в сделке. Соправообладатели, не одобрившие сделку, сохраняют право на иск о взыскании упущенной выгоды, а также о защите личных неимущественных прав. Меры ответственности, предусмотренные частью 4 ГК РФ, в виду отсутствия единого волеизъявления всех соправообладателей в отношении исключительного права применению не подлежат (пункт 4 статьи 1258 ГК РФ, Постановление Президиума ВАС РФ №19440/13 от 15 апреля 2014 г.).

Представляется, что с позиции части 1 статьи 44 Конституции РФ допущение несогласованного лицензирования на неисключительной основе при условии добросовестности распорядителя правом и пропорционального раздела полученных в связи с этим доходов соответствует целям указанной конституционной нормы, а именно, гарантии свободы творчества и доступа к культурным ценностям, которые нарушаются «дедлоком» при наличии саботажа или иной шиканы со стороны одного или нескольких соправообладателей.

5. В проекте (пункт 127) так и остался неразрешенным крайне спорный и болезненный вопрос «двойной охраны» результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, лежащий в основе большого числа злоупотреблений и нарушений, в том числе, со стороны патентных и товарно-знаковых троллей, сквоттеров и иных недобросовестных лиц, например, занимающихся получением правовой охраны на объекты, находящиеся в общественном достоянии (т.н. «вечнозеленые патенты», регистрация общеупотребительных обозначений и т.п.).

Следовало бы прямо прописать право лица, использующего общественное достояние, на т.н. «иск о ненарушении» с требованиями о признании своего права на такое использование и пресечение создающих угрозу действий правообладателя по осуществлению исключительного права

в связи с использованием общественного достояния таким лицом (статья 12 ГК РФ, статья 34 Конституции Российской Федерации).

Кроме того, нужно прямо отойти от имевшейся ранее и допускавшей двойную охрану позиции (пункт 9 Информационного письма ВАС РФ №122 от 13.12.07, пункт 62 Постановления Пленумов ВС и ВАС РФ №5/29 от 26.03.09), изложенной (с возможностью иного варианта) в пункте 127 проекта, согласно которой при наличии двух патентов на полезную модель с одинаковыми либо эквивалентными признаками, приведенными в независимом пункте формулы, до признания в установленном порядке недействительным патента с более поздней датой приоритета действия обладателя данного патента по его использованию не могут быть расценены в качестве нарушения патента с более ранней датой приоритета.

Иное бы прямо противоречило абзацу 3 пункта 1 статьи 1229 ГК РФ, в котором законодатель прямо указывает, что другие лица не могут использовать соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации без согласия правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом.

Такие случаи делятся на три вида:

- прекращение исключительного права (общественное достояние);
- ограничение исключительного права;
- самостоятельные исключительные права у разных лиц.

Ситуация, когда законодатель допускает одновременное наличие исключительных прав на один и тот же результат интеллектуальной деятельности или на одно и то же средство индивидуализации, отрегулирована в пункте 4 статьи 1229 ГК РФ и также содержит закрытый перечень таких случаев, а именно - пункт 3 статьи 1454 (исключительное право на топологию), пункт 2 статьи 1466 (исключительное право на секрет производства) и пункт 2 статьи 1518 ГК РФ (наименование места происхождения товаров).

Как следует из данного закрытого перечня законодатель прямо указал, что не допускает возможности одновременного наличия исключительных прав на иные результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Этот же вывод следует из системной взаимосвязи положений пунктов 1 и 2 статьи 1383, пунктов 1 и 2 статьи 1496 и пункта 6 статьи 1252 ГК РФ, которыми не допускается регистрация и признание нескольких

исключительных прав в отношении одного и того же результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации.

Кроме того, из устойчивой судебной практики СИПа следует, что существование нескольких исключительных прав на один и тот же объект противоречит публичным (общественным) интересам (подпункт 4 пункта 4 статьи 1349, подпункт 5 пункта 4 статьи 1473, подпункт 2 пункта 3 статьи 1483 ГК РФ), на что указывалось, в частности, в решениях Суда по интеллектуальным правам от 20.03.2019 по делу №СИП-819/2018, от 20.02.2019 по делу №СИП-635/2018, постановлениях президиума Суда по интеллектуальным правам от 19.01.2018 по делу №СИП-314/2017, от 27.03.2017 по делу №СИП-464/2016, от 02.05.2017 по делу №СИП-711/2016, от 13.06.2017 по делу № СИП-658/2016 и др.

6. Не раскрыта в пункте 34 проекта (с учетом пункта 115) судьба исключительного права организатора создания сложного объекта в случае, когда он «забыл» заключить договор с одним из авторов или правообладателей изначального объекта, включенного в состав сложного.

Практика на этот счет весьма противоречива – с одной стороны СИП признает, что право на включение в сложный объект является самостоятельным (практика по искам правообладателей к телеканалам вполне устойчива, см. например, дела № А40-123252/2016, № А40-133665/2016 и др.), но в то же время тот же СИП отказывает в участии в деле автору музыкального произведения (дела № А41-39590/2018 и №А40-147121/2015), признавая исключительное право организатора создания аудиовизуального произведения возникшим даже при отсутствии договора с автором.

Однако, следует иметь в виду, что согласно положениям статьи 1257, пункта 4 статьи 1259 ГК РФ исключительное право возникает в силу самого по себе факта создания произведения только у гражданина-физического лица, творческим трудом которого оно было создано. Право лица, организовавшего создание сложного объекта, возникает в случае приобретения права использования результатов интеллектуальной деятельности, включенных в состав сложного объекта, на основании договоров с соответствующими правообладателями (пункт 1 статьи 1240, пункт 1 статьи 161 ГК РФ). Защита и иное осуществление права на сложный объект допускаются только при условии соблюдения прав правообладателей результатов интеллектуальной деятельности, включенных в его состав, поскольку никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного

или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1, пункты 3 и 4 статьи 10, пункт 3 статьи 1260 ГК РФ).

При этом указание в пункте 115 проекта, помещенного в раздел о смежных правах, что сообщение произведения в эфир, переработка и использование произведения в составе сложного объекта являются самостоятельными способами использования произведения (статья 1270 ГК РФ), не раскрывает главную мысль – возникает ли исключительное право на сложный объект у нарушителя и вправе ли он его осуществлять.

7. Также противоречиво разрешена давняя и сложная проблема процессуального статуса организаций по коллективному управлению правами (ОКУП) в косвенных исках в чужом интересе без поручения, которая впервые была отрегулирована в Постановлении Пленума ВАС РФ №51 от 18.07.14 (пункты 44-50 проекта).

Требуется разъяснить судам следующие вопросы:

1) В какой ситуации ОКУП действует в суде:

- от своего имени;
- от имени правообладателя;
- от имени неопределенного круга лиц?

2) В какой ситуации допускается ли присуждение в пользу ОКУП, а не правообладателя?

3) В какой ситуации допускается рассмотрение дел с участием ОКУПа в упрощенном порядке и без привлечения правообладателей в дело?

4) Допускается ли взыскивать с пользователей вознаграждение за само по себе предоставление бланкетного объема прав по лицензионному договору или в силу обязательства по договору о выплате вознаграждения, либо взыскивать вознаграждение можно только за фактическое использование объектов авторских и смежных прав?

Ответ на первый вопрос возможен только после того, как мы определимся с существом права, осуществляемым ОКУПом.

Выплата указанного в статье 1244 ГК РФ вознаграждения, не связанного с исключительным правом, не может быть осуществлена путем заключения сделки непосредственно между обладателем права на вознаграждение и пользователем (пункт 2 статьи 1243 ГК РФ) в виду отсутствия у такого обладателя предмета встречного предоставления,

поскольку соответствующее использование результатов интеллектуальной деятельности допускается без согласия правообладателя (статья 1245, пункт 3 статьи 1263, статьи 1293, 1326 ГК РФ).

Такие установленные законом обязательства пользователя из неосновательного обогащения (статья 1102 ГК РФ) подлежат исполнению путем депонирования до востребования на счета организации по управлению правами на коллективной основе, получившей государственную аккредитацию в соответствующей сфере коллективного управления (вне зависимости от наличия у него соответствующего договора с ОКУПом), поскольку определение пользователем надлежащего кредитора в таком обязательстве или его правопреемников, а также исполнение функций налогового агента, в том числе, в отношении иностранных лиц, существенно затруднено (пункт 1 статьи 1242 ГК РФ).

Согласно общеобязательному конституционному смыслу статьи 1244 ГК РФ, выявленному в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 6 ноября 2014 года № 2531-О, взыскание, распределение, вознаграждения неопределенного круга лиц пропорционально их фактическому использованию (пункт 4 статьи 1243 ГК РФ), а также установление правообладателей, имеющих право на получение вознаграждения, отнесены к полномочиям аккредитованной организацией по управлению правами на коллективной основе и подлежат реализации от своего имени в качестве собственного законного интереса по исполнению управленческой функции, возложенной на такую организацию законом и государственной аккредитацией.

С учетом этого аккредитованной организацией по управлению правами на коллективной основе от своего имени могут быть заявлены требования о присуждении предусмотренного статьей 1244 ГК РФ вознаграждения (статья 1102 ГК РФ), убытков (подпункт 3 пункта 1 статьи 1252 ГК РФ) или компенсации за нарушение права на вознаграждение вместо убытков (статьи 1301, 1311 ГК РФ), в частности за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений исключительно в личных целях (статья 1245 ГК РФ), о выплате вознаграждения в пользу авторов музыкальных произведений (с текстом или без текста), использованных в аудиовизуальном произведении, за публичное исполнение либо сообщение в эфир или по кабелю, в том числе путем ретрансляции, такого аудиовизуального произведения (ст. 1263 ГК РФ), вознаграждения, причитающегося автору оригинала произведения изобразительного искусства при каждой перепродаже соответствующего оригинала (ст. 1293 ГК РФ), и

вознаграждения исполнителям и изготовителям фонограмм за публичное исполнение, а также за сообщение в эфир или по кабелю фонограмм, опубликованных в коммерческих целях (статья 1326 ГК РФ).

Это требует соответствующей корректировки абзаца 2 пункта 26 проекта с указанием на то, что в случаях, установленных положениями части четвертой ГК РФ, право на вознаграждение сохраняется у автора, исполнителя, изготовителя фонограммы, изготовителя аудиовизуального произведения и тогда, когда исключительное право ему не принадлежит (статьи 1245, 1263, 1293, 1326 ГК РФ).

Соответственно, отвечая на второй и третий вопрос, присуждение в пользу правообладателя (а, следовательно, необходимость его извещения о возбуждении иска в его интересе, а также недопустимость рассмотрения иска в упрощенном порядке - часть 4, пункт 3 части 5 статьи 227 АПК РФ) возможно только в случае, когда исключительное право не ограничено законом (подпункты 6 - 8.1 пункта 2 статьи 1270, подпункт 1 пункта 1 статьи 1244 ГК РФ).

Что же касается четвертого вопроса, то он прямо разрешен законодателем в пункте 1 статьи 1243 ГК РФ, в связи с чем в абзаце 4 пункта 30 проекта следует указать, что лицензиару не может быть отказано в требовании о взыскании вознаграждения по мотиву неиспользования лицензиатом соответствующего результата или средства, кроме случаев, когда иное установлено законом или договором, в частности, обусловлено фактическим использованием или ограничено самим правообладателем (пункт 1 и 2 статьи 1243 ГК РФ).

8. Пункт 52 допускает безусловное привлечение одновременно к гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности за одно и то же деяние одного и того же лица без учета Постановлений Конституционного Суда РФ от 13.12.16 №28-П и от 13.02.18 №8-П.

Пункт 52 следует дополнить оговоркой о том, что при рассмотрении исковых требований о применении мер гражданско-правовой ответственности, носящей публично-правовой характер (изъятие и уничтожение товаров и материальных носителей, расчетная компенсация вместо убытков) судам следует иметь в виду, что повторное привлечение одного и того же лица к тому же виду ответственности за то же деяние (конфискация-изъятие, штраф-компенсация) в рамках уголовного,

административного и гражданского судопроизводства не допускается в силу статьи 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

9. В пунктах 58-74 проекта не решен целый ряд вопросов о применении меры ответственности в виде компенсации и не полностью учтены правовые позиции Постановлений Конституционного Суда РФ от 13.12.16 №28-П и от 13.02.18 №8-П.

В указанных разъяснениях следовало указать, что компенсация является мерой гражданско-правовой ответственности, носящей публично-правовой характер. С учетом этого в гражданско-правовой части компенсация вне зависимости от способа расчета не может превышать убытки истца, установленные с достаточной степенью достоверности, а в публично-правовой части для целей частной и общей превенции – штрафных пределов, установленных законодателем, а именно двукратной стоимости контрафактного товара или двукратной стоимости нарушенного права.

В случае, если правообладатель доказал размер понесенных им убытков, компенсация может быть рассчитана исходя из двукратного размера таких убытков. Доходы, полученные лицом вследствие нарушения права, также учитываются вместе с убытками истца для целей определения размера компенсации (пункт 4 статьи 1, пункт 2 статьи 15 ГК РФ).

Кроме того, неясно и противоречиво изложены пункты 55, 72 о солидарной ответственности.

В пункте 55 указывается, что использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации одним лицом различными «способами, направленными на достижение одной экономической цели», образует одно нарушение исключительного права. Так, хранение или перевозка контрафактного товара при условии, что они завершены фактическим введением этого товара в гражданский оборот тем же лицом, являются элементом введения товара в гражданский оборот и отдельных нарушений в этом случае не образуют.

Аналогично в пункте 72 вводится оценочный критерий для применения солидарной ответственности, когда нарушение исключительного права имело место в результате «действий нескольких лиц, объединенных направленностью на единый результат».

С другой стороны в пункте 72 указывается, что каждое лицо, нарушающее исключительное право, в том числе распространяющее контрафактные материальные носители, отвечает за свои противоправные

действия. В случаях ряда последовательных нарушений исключительного права различными лицами каждое из этих лиц несет самостоятельную ответственность за допущенные нарушения.

Кроме того, вопреки условиям солидарной ответственности в последнем абзаце пункта 60 вводится послабление ответственности для главных виновников появления контрафакта – оптовых производителей и продавцов. Для них за основу расчета компенсации принимаются не розничные цены их контрагентов, а лишь оптовые, что в виду невозможности получить законный размер компенсации поощряет правообладателей вместо точечных исков к оптовикам выкупать всю контрафактную партию поштучно и подавать множественные иски к розничным торговцам, перегружая судебную систему, а оптовикам – уклоняться от ответственности, перекладывая ее на розницу.

10. В пункте 76 проекта не решен целый ряд вопросов о применении меры ответственности в виде изъятия и уничтожения и не полностью учтена правовая позиция Постановления Конституционного Суда РФ от 13.02.18 №8-П.

Указывая, что товары, на которых товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия, ввезенные на территорию Российской Федерации без согласия правообладателя, могут быть изъяты из оборота и уничтожены в порядке применения последствий нарушения исключительного права на товарный знак лишь в случае их ненадлежащего качества, проект не разъясняет, что объективный состав нарушения в части качества подлежит установлению на момент окончания нарушения.

Принятие иных мер, направленных на предотвращение оборота соответствующих товаров, допускается за исключением случаев, когда такие меры приводят:

- к ограничению ввоза на внутренний рынок Российской Федерации конкретных товаров, реализации правообладателем или лицами, действующими с его согласия, ценовой политики, состоящей в завышении цен на российском рынке по сравнению с другими рынками в большей степени, чем это характерно для обычной экономической деятельности и для удовлетворения разумного экономического интереса правообладателя,

- ограничению доступа российских потребителей к соответствующим товарам, прежде всего тем, наличие которых на внутреннем рынке является жизненно важной необходимостью (например, отдельные категории

лекарственных средств, оборудование для жизнеобеспечения населения и т.д.),

- к следованию режиму санкций против России, ее хозяйствующих субъектов и иным образом создать угрозу для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья граждан, охраны природы и культурных ценностей, других публично значимых и конституционно защищаемых интересов.

В случае, если утрата качества товара не имеет причинно-следственной связи с действиями нарушителя до окончания нарушения, а вызвано действиями иных лиц, в том числе, в результате наложения по ходатайству правообладателя обеспечительных мер, ответчик имеет право на взыскание с таких лиц причиненных убытков в полном объеме (пункт 1 статьи 48 Соглашения ВТО о торговых аспектах интеллектуальной собственности ТРИПС).

11.В пунктах 161-163 проекта не решен вопрос о применении мер пресечения и ответственности в отношении регистраторов доменных имен.

Разъяснения допускают их применение лишь в отношении администраторов и лиц, фактически использовавших доменное имя, не учитывая то обстоятельство, что сведения об администраторах доменных имен, в том числе, в иностранных юрисдикциях, часто намеренно указываются не соответствующими действительности, а приведение в исполнение решения российского суда в иностранной юрисдикции зачастую не представляется возможным из-за запретительно высоких расходов на соответствующие судебные процедуры.

Данные разъяснения следует дополнить абзацем о том, что требование о пресечении нарушения может быть предъявлено как к лицу, совершающему такие действия или осуществляющему необходимые приготовления к ним, например, администратору доменного имени, так и к иным лицам, которые могут пресечь такие действия, в частности, к регистратору доменного имени, в случае, если будут представлены доказательства затруднительности приведения в исполнение решения суда в отношении администратора доменного имени, например, в связи с его нахождением в иностранной юрисдикции или отсутствием достоверных сведений о его местонахождении и реальном осуществлении деятельности по администрированию доменного имени (подпункт 2 пункта 1 статьи 1252 ГК РФ).

12. В пункте 178 проекта не решен вопрос об охране наименований мест происхождения товаров, связанных с общеизвестными представлениями религиозных конфессий о наличии особых свойств товаров, связанных с такими географическими объектами.

Большое количество водных источников и т.п. объектов, товары из которых не обладают характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами в смысле их химического состава или ремесленных навыков, тем не менее, обладают таковыми согласно распространенным представлениям религиозных конфессий.

В этой связи недопустимо игнорировать законные ожидания неопределенного круга лиц в отношении того обстоятельства, что предлагаемый им товар, маркированный наименованиями мест происхождения, связанных в общеизвестном понимании религиозных конфессий с их особыми свойствами, действительно происходит из определенного географического объекта.

Для этого пункт 178 необходимо дополнить указанием на то, что к особым свойствам товара, которые исключительно или главным образом определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами, могут быть отнесены общеизвестные представления религиозных конфессий о наличии особых свойств товаров, связанных с такими географическими объектами. В таких случаях заключения о наличии или об утрате возможности производить в границах определенного географического объекта товар, обладающий особыми свойствами, которые исключительно или главным образом определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами, выдаются соответствующими религиозными организациями, зарегистрированными в установленном законом порядке (статья 11 Федерального закона от 26 сентября 1997 года №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»).